

БРЮКИ С МАЛИНОВЫМИ КАНТАМИ, ФЕТРОВЫЕ ТАПОЧКИ, ПИЖАМНАЯ КУРТКА И МОНОКЛЬ

Именно в таком виде перед нами предстает некий полковник немецкого Генерального штаба, попавший в плен к американцам. И чем же он занимается, попав в лагерь? Немедленно начинает объяснять товарищам по несчастью, что именно следовало делать Гитлеру, чтобы выиграть войну, то есть рассуждать на темы альтернативной истории. Причем нюанс — особенно этим любят заниматься представители армий, проигравших войну.

Мы все твердо знаем, что история не имеет слагательного наклона, историки любят порассуждать на тему «Что было бы, если бы...». И пальма первенства здесь принадлежит, наверное, военным историкам. Ведь все это выглядит так эффектно: развевающиеся знамена, грохот барабанов, разноцветные мундиры, церемониальный марш... Красота! Вот только они редко задумываются о том, что блестящие альтернативные победы редко ведут к глобальным изменениям истории. К тому же слишком часто понятие «альтернативная история», которое означает иные действия реальных персонажей в реальной обстанов-

ке, подменяется либо ненаучной фантастикой, либо вообще сплошным «по шучьему велению, по моему хотению». Дадим Александру Невскому пулеметные тачанки! В авангарде суворовских чудо-богатырей летит батальон танков Т-90! Ур-ра!

Вот, скажем, Ватерлоо — какой простор для выдумки. С ходу могу подсказать несколько вариантов, которые помогут Бонапарту выиграть это сражение. Предполагать, что генерал Жерар сумел переспорить маршала Груши и потерявшийся корпус вовремя успел ударить во фланг Веллингтону, неинтересно. Я бы даже сказал, пошло. А почему бы Груши не перехватить Блюхера, как и предполагалось? Тогда император успеет переломать кости Веллингтону. Можно поступить гораздо изящнее. Предположим, что накануне не было дождя, поэтому начальник артиллерии Наполеона генерал Друо развернул свои пушки гораздо раньше, чем это произошло на самом деле. После этого знаменитая Grande Batterie снесет британский центр, ведь бомбы и гранаты не будут зарываться в размокшую землю, а будут рваться при ударе. Да и первая атака начнется не в полдень или позже, а утром. Да, в конце концов, Жером Бонапарт подчинится приказу корпусного командира и не завязнет в кровавых и бессмысленных атаках замка Угумон, он примет участие в борьбе на противоположном фланге. И вот, как сказал Род Стайгер, игравший Наполеона в знаменитом фильме: «Гвардию вперед, и на Брюссель!»

Чем прелестны военные альтернативы — так это тем, что в них никогда не наступает завтра. Ну, вошел Бонапарт в Брюссель, и что дальше? Да ровным сче-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

том ничего! Союзники сразу выставили против Наполеона с его 200 тысячами солдат 700 тысяч своих, причем, заметьте, **сразу**. А в перспективе — миллион. Ну, разбил он Веллингтона с его 70 тысячами, жалко, что ли. Теперь займитесь элементарной арифметикой, вычтите одно из другого. Сделали? Результат сразу становится обнадеживающим для французов или все-таки нет? Все, что получилось бы, так это генеральное сражение где-то в районе Дрездена на пару месяцев позднее, но с результатом, уже гораздо более катастрофическим для Франции.

Или Вторая мировая война, вот уж где размахнись рука, раздудись плечо. Тут тебе и Дюнкерк, и Битва за Англию, и Битва за Атлантику, и Сталинград, и Мидуэй, пальцев не хватит все пересчитать. Но все эти альтернативы завершаются стереотипным заключением: в этом случае война затянулась бы до 1947 (1948 или какого там еще) года. Желаящие переиграть всю войну обычно не пытаются рассматривать какие-то варианты, а просто постулируют итоговый результат. Многословная и многостраничная альтернатива дает в сухом остатке два слова: «Немцы победили!» Или: «Японцы победили!» Как победили? Почему победили? Это уже не важно, победили — и все тут!

Все это в полной мере относится и к альтернативам истории Великой Отечественной войны. А вот в октябре 1941 года фельдмаршал фон Бок получит 6-ю танковую армию СС, возьмет Москву, и Гитлер победит... А вот партизаны Ковпака лихим рейдом захватят Будапешт... Нет, оставим эти бредни пацанам, насосавшимся пива за клавиатурой, и попытаемся рассмотреть серьезные варианты того, что могло

произойти на Восточном фронте начиная с 21 июня 1941 года и до 9 мая 1945 года. Впрочем, нам придется захватить небольшие отрезки времени ДО и ПОСЛЕ этих двух дат.

Как ни странно, пресловутый полковник в тапочках сотоварищи рассуждал более трезво. Вот мнения различных персонажей, попавших в плен вместе с ним:

«Нам нужно было строить подводные лодки, и только подводные лодки. Тогда Англии уже весной сорок первого пришел бы конец.

Нам нужно было строить самолеты, и никаких кораблей! Четырехмоторные или, лучше, шестимоторные бомбардировщики. Нужно было разнести на куски всю Англию.

У нас было слишком мало танков. Единственно правильным было бы производство танков! Еще двадцать танковых дивизий, и Иван капитулировал бы в октябре сорок первого.

Продвижение к Сталинграду было величайшей глупостью. Решения исхода кампании нужно было добиваться на севере. Ведь столица-то — Москва. Вот и надо было бросить туда все силы и средства!

Главным был Браухич. Когда его убрали, мы и стали отступать...»

И так далее до полной бесконечности. Но повторю, эти варианты хотя бы внешне выглядят правдоподобно. Что получится — еще не понятно, но хотя бы исходные условия не на уровне «Ахалай-махалай».

Интересно, что конкретный ход Великой Отечественной войны мог вильнуть в ту или другую сторону чуть ли не в любой день. Мы попытаемся проанализировать, что могло бы произойти, если бы вдруг

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

немцам посчастливилось ворваться в Москву, и чем бы для них это закончилось. А если Манштейн зимой 1942 года все-таки прорвется к Сталинграду, сумеет он спасти армию Паулюса или нет? Можно ли было избежать кровавого побоища под Прохоровкой и разгромить немцев на Курской дуге меньшей кровью? Реальным ли был вариант закончить войну в 1944 году, воспользовавшись сокрушительным разгромом Группы армий «Центр» в Белоруссии? Могла ли начаться Третья мировая война летом 1945 года, если бы союзники привели в действие план «Немыслимое», предложенный Черчиллем?

Это лишь некоторые из тем, которые рассмотрены в данной книге. На самом деле альтернатив гораздо больше. Вот хотя бы такие. А что, если зимой 1941 года немцам не удастся спасти окруженные в Демянском котле дивизии? Может, Гитлер станет более осторожным и через год позволит Паулюсу уйти из Сталинграда? А что, если бы Жуков сумел ликвидировать Ржевский выступ? Что произойдет, если операция «Суворов» (наступление на Смоленск в 1943 году) увенчается успехом?

Эссе в нашей книге будут построены по одному шаблону. Сначала идет небольшая интродукция, описывающая реальную предысторию того или иного сражения, а потом начинается альтернатива. Но вот один вариант развития событий я всегда считал и считаю совершенно невозможным и не буду рассматривать. Нет таких условий, при которых Германия могла бы победить Советский Союз. Нет никаких альтернатив! А любители «wie durch ein Wunder; auf den ersten Wunsch hin»... Снимите фетровые тапочки!

КАК ОНО МОГЛО НАЧАТЬСЯ

Если говорить о планах превентивного удара Советского Союза по Германии в 1940-х годах, то можно заметить одну интересную особенность. С легкой руки британского историка/советского изменника Суворова/Резуна принято считать, что Гитлер опередил Сталина всего на какую-то пару недель, в результате чего война продлилась четыре кровавых года, вместо того чтобы закончиться за четыре недели. Этаким блицкриг по-советски. Но тогда следует, что Сталин выбрал чуть ли не самый неподходящий момент из всех возможных для нападения на Германию, специально дождавшись сосредоточения основных сил вермахта на востоке. Зачем? Чтобы разгромить их «малой кровью, могучим ударом»? А где гарантия, что это получится? Полностью отмобилизованная, отдохнувшая армия — не тот противник, на котором следует проверять сомнительные идеи. Но не проще ли было попытаться достичь своих целей в более благоприятной обстановке?

Такая благоприятная обстановка складывалась для Красной Армии не один раз, причем всегда ключевым фактором можно было считать рассредоточенность немецких частей и соединений. Впервые мы

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

видим подобную ситуацию в сентябре 1939 года во время так называемого «освободительного похода» в Польшу. К этому времени дивизии вермахта были равномерно «размазаны» буквально по всей территории страны, изрядно потрепаны боями и маршами. Напротив, Красная Армия действовала сосредоточенными, компактными ударными группами, которые никаких боев не вели, так, мелкие локальные стычки, не более. Поэтому она имела все шансы перемолоть немецкие дивизии до того, как немцы сообразят, что именно началось. Имелся еще один дополнительный нюанс, работавший на Красную Армию. Знаменитые Панцерваффе пока еще не превратились в реальную силу, слаженность танковых дивизий была далека от идеала, а структура оказалась такой же громоздкой и неуклюжей, как и у нас. Но вот количество танков было сильно неравным, да и качество тоже. Поэтому шансы на успех были совсем неплохими, требовалась только внезапность.

Вторым, просто идеальным периодом нужно считать июнь 1940 года, когда вермахт увяз в боях во Франции. В этом случае предстояло смять лишь слабые кордоны и совсем не требовалось дожидаться, пока немцы по уши увязнут в операции «Морской лев», тем более что они и не планировали переправлять в Англию все свои силы. Я считаю, что это была идеальная возможность воткнуть нож в спину Гитлеру, причем отразить этот удар у немцев не было никаких шансов. Танковые дивизии, которые пришлось бы перебрасывать из Южной Франции, в лучшем случае встретили бы советские мехкорпуса в районе Зееловских высот, и еще не факт, что сумели бы оста-

новить их. По сути, такой вариант войны вылился бы в схватку между советскими танковыми войсками и Люфтваффе, вот пикировочные эскадры могли при-быть на Восточный фронт буквально через пару дней. При этом в условиях полной готовности советской авиации и ее численного превосходства успех Люфт-ваффе совсем не выглядит гарантированным. Вот вам навскидку два гораздо более перспективных варианта начала войны против гитлеровской Германии.

Но ведь нет же, приспичило почему-то дожи-даться лета 1941 года, когда обстановка для подобно-го мероприятия стала чуть ли не наилучшей из всех возможных. И все-таки давайте попытаемся пред-ставить, как все могло сложиться, если поверить в мифическую дату 6 июля 1941 года. Мы предлагаем вам перевод отрывка книги известного американ-ского историка Дэвида Гланца «Сухая гроза» — «Dry Thunderstorm».

Раннее летнее утро где-то на территории Генерал-губернаторства... Вермахт продолжал готовиться к Восточной кампании, в частности штаб 41-го тан-кового корпуса прорабатывал график выдвижения ча-стей к советско-германской границе и вел тоскливую переписку со штабом 77-й бомбардировочной эска-дры, которая наотрез отказывалась поддерживать дей-ствия танков генерала Рейнхардта. Не помогло даже вмешательство командующего 4-й танковой группой Гёппнера, командующий 1-м Воздушным флотом генерал-оберст Келлер стоял насмерть, утверждая, что имеет свои собственные задачи, которые выше и важнее поддержки какого-то там корпуса.

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Но вся эта мирная бюрократическая идиллия разлетелась в прах, когда в 4 часа утра совершенно внезапно советские бомбы посыпались на мирно спящие немецкие аэродромы. 4-я и 6-я смешанные авиадивизии атаковали Линденталь, Тракенен и Блюменфельд, где базировались самолеты 54-й истребительной эскадры. Хотя советским самолетам пришлось пролететь над территорией, занятой германскими войсками, немцы просто не успели своевременно отреагировать, и все свелось к беспорядочной стрельбе зениток. По воспоминания одного из пилотов эскадры:

«Советские самолеты в первом же вылете нанесли сокрушительный удар по нашим авиационным частям на аэродроме Линденталь. Бомбы обрушились на истребители «Me-109», выстроенные вдоль взлетной полосы перед своими укрытиями. Советские истребители сопровождения «И-16» атаковали аэродромы вместе с пикирующими бомбардировщиками «СБ-3» <так в тексте!> и уничтожили большую часть немецких самолетов на земле. Наши истребители, которым удалось взлететь, были сбиты на взлете или сразу после него».

Аэродромы, где базировались самолеты 1, 76 и 77-й бомбардировочных эскадр, пострадали меньше, хотя и там имелись потери. Замысел советского командования был очевиден: лишить Группу армий «Север» воздушного прикрытия, после чего бомбардировщики, даже если они рискнут действовать самостоятельно, станут легкой добычей советских

истребителей, а войска будут совершенно беззащитны перед атаками с воздуха. Напомним, что на всю 4-ю танковую группу были выделены только 133-й и 164-й зенитные полки.

Одновременно с ударом по аэродромам советские войска перешли границу почти на всем ее протяжении. Главный удар Северо-Западного фронта наносился как раз в полосе 41-го механизированного корпуса на левом фланге 4-й танковой группы. Как позднее стало известно, ударный кулак составляли части 12-го мехкорпуса Красной Армии. Не следует обольщаться фиктивным равенством сил: корпус против корпуса, в двух танковых дивизиях немецкого корпуса числились 390 танков, причем 160 из них были типа 35(t), а еще 90 — Т-II, то есть почти две трети машин в лучшем случае можно было считать ограниченно боееспособными. Зато в 12-м мехкорпусе числились 806 танков, конечно, следует вычесть отсюда непонятно каким образом затесавшие танкетки и музейные экспонаты, вроде FT-17, но все равно двукратное номинальное превосходство возрастает до пятикратного фактического, если еще вспомнить о пушечных броневомобилях БА-10. К тому же пока еще немецкие части находились в основном в местах тыловой дислокации и лишь готовились к выдвигению в приграничную полосу. И, как мы уже отмечали, немцы были фактически лишены второго из своих главных козырей — авиационной поддержки.

В обстановке хаоса, воцарившегося после первого удара советской авиации, возникло естественное замешательство, перешедшее в легкую панику. Командующий 1-м Воздушным флотом генерал-oberст

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Келлер приказал немедленно поднять разведчиков и приготовить бомбардировочные эскадры, которые почти не пострадали, к ответному удару. Однако повторилось то же самое, что уже происходило в период Битвы за Англию. Столкнувшись с неприятными неожиданностями, немцы отреагировали на них далеко не лучшим образом. Самолет 11-й разведывательной группы «обнаружил» огромную танковую колонну, движущуюся в направлении Куссена. Келлер немедленно приказал самолетам 76-й и 77-й бомбардировочных эскадр атаковать эту колонну, в воздух было поднято около сотни бомбардировщиков Ju-88. Однако сведения разведчика оказались настолько неточными, что самолетам пришлось довольно долго рыскать в поисках цели. Ударная группа развалилась на отдельные отряды, причем I группа 76-й эскадры нарвалась на советские истребители. Хотя Ju-88 был неплохим самолетом, но без истребительного прикрытия он превращался в удобную мишень. В считанные минуты были сбиты 5 самолетов, среди погибших оказался и командир группы капитан фон Зихарт. II группа 77-й эскадры сгоряча едва не отбомбилась по разворачивающимся подразделениям собственной 1-й танковой дивизии, катастрофу каким-то чудом удалось предотвратить в самый последний момент.

Развернутый в приграничной полосе 82-й разведывательный батальон 6-й танковой дивизии был моментально смят ударом советской 23-й танковой дивизии. Собственно, его командир только и успел сообщить, что принимает бой, после чего связь прервалась. Как позднее стало известно, 45-й танковый полк майора Тихоненко прошел через расположение

немцев, не встретив никакого сопротивления. Позиции не были оборудованы, их попросту не существовало как таковых, уцелели лишь те, кто успел вовремя сдаться в плен.

Генерал Рейнхардт решил остановить наступление русских встречным ударом своих танковых дивизий, однако им требовалось некоторое время для подготовки. Бросать танки в наступление вслепую Рейнхардт не хотел. Одновременно он связался со своим соседом справа, командиром 56-го танкового корпуса генералом фон Манштейном. Однако тут же выяснилось, что у Манштейна масса собственных проблем, причем более серьезных. Завеса его корпуса также была смята, причем здесь русские ввели в дело тяжелые танки, против которых были бесполезны противотанковые орудия. Предусмотрительный Манштейн усилил передовую завесу ротой истребителей танков «Панцеръягер I», но эти легкие машины были просто раздавлены советскими стальными монстрами. Поэтому Манштейн, не особо стараясь скрыть раздражение, посоветовал Рейнхардту самому разбираться со своими трудностями. Единственное, чего сумел добиться Рейнхардт, это обещания командира 77-й бомбардировочной эскадры подполковника Райтеля выслать две группы для атаки русских танков. Но Райтель сразу предупредил, что не может ничего гарантировать, так как связь со штабом истребительной эскадры нарушена, а он не желает посылать свои самолеты на убой, утренний вылет показал, насколько рискованным может стать вылет без сопровождения истребителей.

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Как выяснилось буквально через пару часов, осторожность Райтеля была более чем обоснованной. Советская авиация нанесла повторный удар по немецким аэродромам, теперь были атакованы места базирования бомбардировочной авиации. Нельзя сказать, чтобы русские летчики бомбили очень точно, видимо, они полностью выложились в утренней атаке, но тем не менее на аэродромах Хейлингенбейля, Йезау и Вормдитта воцарился хаос. Опомнившиеся немецкие зенитчики вели интенсивный огонь и сбивали около двух десятков самолетов, однако немедленный вылет, обещанный Райтелем, сорвался.

Зато самолеты 7-й смешанной авиадивизии буквально в порошок стерли поспешно брошенный навстречу русским авангард 6-й танковой дивизии. Генерал Ландграф выдвинул вперед то, что оказалось под рукой, — II батальон 11-го танкового полка и роту истребителей танков. Опасаясь за судьбу своих главных сил, он задержал приданный дивизии батальон 411-го зенитного полка, результат получился ужасным.

«Нас атаковали десятки русских самолетов, они были буквально повсюду. Бомбы сыпались градом, во время первого же захода они накрыли голову колонны, и командир батальона погиб. Танки попытались свернуть с дороги, чтобы укрыться в соседней роще, но местность оказалась довольно топкой, и машины ползли буквально с черепашьей скоростью, превращаясь в отличные мишени. Особенно плохо пришлось истребителям танков, так как их расчеты были прикрыты только щитами. Русские истребители, идя

на бреющем над самой дорогой, безжалостно расстреливали их из пулеметов. В результате атаки батальон понес очень тяжелые потери и был вынужден отступить, не выполнив задачи».

В общем, на фронте 4-й танковой группы сложилась очень неприятная для немцев ситуация. За день советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 30 километров и при этом нигде не встретили серьезного сопротивления. Хуже всего было то, что 1-й Воздушный флот, хотя и не был уничтожен, понес серьезные потери и был фактически парализован. Вечером две эскадрильи 76-й эскадры, откликнувшись на отчаянные призывы Манштейна, сумели разбомбить небольшую колонну советской 2-й танковой дивизии, но это не только не остановило, но даже серьезно не задержало русские войска. Их перевес в силах был слишком велик.

Ночью немецкие командиры попытались собрать сведения с различных участков фронта, чтобы прояснить ситуацию. Картина вырисовывалась самая мрачная. Русские уверенно наступали по всей линии границы, хотя продвижение было неравномерным. Стрелковые корпуса лишь перешли границу, отеснив немецкие завесы, тогда как механизированные острыми клиньями врезались в расположение немецких войск, причем до сих пор оставалась не слишком понятной конечная цель их наступления. Самое же главное — перед генералом Гёппнером стояла практически неразрешимая проблема: как остановить русское наступление? окопаться и закрепиться его войска не успевали, значит, оставался только встреч-

ный контрудар, но при колоссальном превосходстве русских в силах этот контрудар мог закончиться катастрофой. На помощь соседей рассчитывать не приходилось, так как соседняя 3-я танковая группа из Группы армий «Центр» оказалась в еще более сложном положении. Огромные массы советских танков с Белостокского выступа ударом на север — здесь направление определилось сразу — грозили отрезать группу Гота. Вообще было похоже на то, что советское командование готовило огромный котел, в котором должны были оказаться 3-я и 4-я танковые группы, 16-я армия и часть сил 9-й армии. Именно она попала под удар и разваливалась буквально на глазах, из ОКХ уже поступили требования отправить армейский резерв (моторизованную дивизию СС «Тотенкопф») на юг. Отступать к укреплениям в районе Кёнигсберга? Они, разумеется, выглядят грозно, но сумеют ли они сдержать удар танковой армады? А пока что, не занятые войсками, они и вообще бесполезны.

Генерал Келлер отчаянно пытался восстановить хоть какой-то порядок в своих эскадрах, что удавалось ему плохо. Относительную боеспособность сохранили 1-я бомбардировочная эскадра и несколько разведывательных групп. Келлер попытался было добиться у Геринга посылки подкреплений с Запада, но командование Люфтваффе гасило свой пожар. На центральном участке фронта положение складывалось вообще катастрофическое.

Словом, это была тяжелая ночь для генерал-oberста Гёппнера. И, словно мало было других неприятностей, русские ночью выбросили в немецком тылу несколько диверсионных групп парашютистов, ко-

торые устроили переполох на дорогах. Одна из таких групп даже атаковала штаб 8-й танковой дивизии как раз в тот момент, когда туда примчался командир корпуса Манштейн. Слава богу, рота охраны сумела отбить нападение, и Манштейн остался цел, но во время нападения погибли начальник штаба корпуса подполковник барон фон Эверфельдт и командир дивизии генерал Бранденберг, что еще больше увеличило замешательство.

После долгих колебаний Гёппнер решил действовать активно. 41-й корпус Рейнхардта должен был встретить русских ударом в лоб, в то время как 56-й корпус Манштейна должен был подрезать основание клина. Наступление в его полосе Гёппнер собирался остановить силами дивизии «Тотенкопф».

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Рейнхардт сумел сосредоточить мобильные подразделения 1-й и 6-й танковых дивизий, однако корпусная артиллерия и 3-й зенитный полк, на которые возлагалась борьба с русскими танками, отстали. Поэтому волей-неволей главной ударной силой становился 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии, который имел на вооружении танки Т-III, перевооруженные 50-мм пушками. Рассчитывать на остальные машины было просто несерьезно.

На рассвете немецкие танки двинулись вперед, однако тут же были встречены сокрушительным огнем русской противотанковой артиллерии. Как оказалось, вместе с 12-м мехкорпусом наступали 10-й стрелковый корпус и 9-я артбригада ПТО. За ночь советские командиры успели развернуть бригаду на направлении предполагаемого немецкого удара и за-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

маскировать орудия. Поэтому поспешный и неподготовленный контрудар 1-й танковой дивизии оказался форменным самоубийством.

«Выдвижение войск для контрудара происходило в условиях, когда завесы первого эшелона танковой группы отходили под натиском противника... Дивизии 41-го механизированного корпуса еще при выдвижении на исходные рубежи подверглись сильному воздействию авиации врага. В районе Тильзита произошло неожиданное столкновение частей 1-й танковой дивизии с противником. Врагу удалось отрезать ее от 6-й танковой дивизии, и тем не менее полки этой дивизии все же смогли вовремя сосредоточиться для контрудара. Что же касается 6-й танковой дивизии, то ее части вышли в намеченные районы с опозданием на три часа, а часть ее сил оказалась связанной отражением танковых атак врага. Здесь же ожесточенные бои с противником вела и 269-я пехотная дивизия корпуса. Начало контрудара пришлось сдвинуть на три часа. Действия 41-го механизированного корпуса практически вылились во встречное сражение без должной подготовки».

Нарвавшись на массированный огонь противотанковых пушек и советских танков, 1-я танковая дивизия потеряла до 30 Т-III, после чего была вынуждена перейти к обороне, чтобы не допустить прорыва советских войск к Неману. Но когда во второй половине дня 7 июля советская 23-я танковая дивизия сама попыталась перейти в наступление, оно имело еще более катастрофичные последствия. 144-й тан-

ковый полк был практически полностью уничтожен, его командир полковник Кокин погиб. После этого боя дивизия уже не могла считаться эффективной боевой единицей.

Главные события в этот день разыгрались на южном фланге образовавшегося выступа, где попытался наступать 56-й механизированный корпус Манштейна. К вечеру предыдущего дня немецкие войска были вытеснены за Неман, однако мосты через реку не взрывали «по обоюдному соглашению», каждая из сторон надеялась использовать их для **своего** наступления. Именно над этими мостами рано утром разыгрался крупный воздушный бой. Генерал Келлер за ночь успел сколотить сводную истребительную группу «Храбак», куда вошли остатки 54-й эскадры. Эта группа прикрывала потрепанные, но все еще грозные 4 бомбардировочные группы 76-й и 77-й эскадр, направленные для атаки советских войск на фронте наступления 56-го корпуса. 1-я бомбардировочная эскадра прочно увязла в боях на приморском участке фронта. Келлер попытался выпросить у командования Люфтваффе хоть одну эскадрилью пикировщиков, но ему отказали наотрез. В полосе Групп армий «Центр» и «Юг» дела обстояли еще хуже, и сейчас пикировочные эскадры пытались помочь 17-й армии отразить русское наступление в направлении на Люблин. Вообще, единственным участком, где обозначился хотя бы символический успех, был район Бреста, где 2-я танковая группа не только отразила первый удар русских, но и даже продвинулась на советскую территорию. Однако даже «Стремительный Гейнц» Гудериан начал колебаться, так как наступление его танков при

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

отсутствии соответствующих ударов 3-й танковой группы Гота лишалось всякого смысла. Гудериан, наверное, мог продвинуться дальше, но это привело бы только к полной изоляции его группы. Поэтому 3-я танковая группа продолжала топтаться на месте. На южном участке фронта румынская 3-я армия, даже не вступив в бой, начала поспешный отход, обнажив левый фланг немецкой 11-й армии, которая сразу попала в крайне опасное положение.

Но когда немецкие самолеты прибыли в указанный район, выяснилось, что советское командование имело точно такой же замысел и бросило для атаки войск Манштейна 7-ю и 8-ю смешанные авиадивизии, усиленные 21-м авиаполком ПВО. Небо над Неманом превратилось в пылающую топку, тут и там его перечеркивали черные хвосты дыма, тянущиеся за подбитыми самолетами. Конечно, истребители Me-109 превосходили по своим характеристикам старые советские И-16, но, втрое уступая в количестве, они ничего не могли сделать, ведь им еще была поставлена задача защищать свои бомбардировщики. В ходе этого воздушного сражения немцы потеряли до 20 истребителей и 50 бомбардировщиков, советские потери оказались примерно в полтора раза выше, и немцы могли бы быть довольными, если бы после этого остатки 54-й истребительной эскадры не растаяли, словно кусок сахара в кипятке. Бомбардировка позиций 3-го мехкорпуса тоже сорвалась. Советские бомбардировщики все-таки сумели атаковать 8-ю танковую дивизию, но налет получился слабым, и единственным результатом стал перенос начала немецкого наступления на два часа.

Войска Манштейна перешли Неман, причем наступлением руководил сам командир корпуса, сменивший погибшего командира 8-й дивизии. Но тут же немцы были встречены 2-й танковой дивизией. В результате Манштейн и его солдаты оказались в крайне опасном положении, так как атаку возглавляли русские сверхтяжелые танки КВ-1. Основным танком дивизии был слабый чешский 38(t), который никак не мог соперничать с русскими машинами.

«Скорчившись в неглубоких окопчиках, под дорожными мостами и в кюветах либо вообще посреди поля, немецкие солдаты ждали приближения вражеских танков. Ожидание превратилось в настоящую пытку, так как наша дальнобойная артиллерия обстреливала эти танки, не подозревая, что одновременно обстреливает и собственных пехотинцев, повезло тем, кто сумел укрыться под мостами и в других убежищах. Они могли наблюдать за происходящим, не замеченные противником. Гигантские танки с грохотом приближались, стремительно вырастая в размерах. Один из них натолкнулся на небольшое болотце, в котором увяз наш PzKw-38t. Не колеблясь ни секунды, черный монстр переехал беспомощный танк. Та же участь постигла немецкую 150-мм гаубицу, которая не успела вовремя скрыться. Когда КВ-1 приближались, гаубица стреляла по ним в упор, не причиняя никакого вреда. Один из танков пошел прямо на нее, и гаубица попала ему в лобовую броню. Мигнула яркая вспышка, и раздался громовой удар, когда снаряд взорвался. Танк остановился, словно в него ударила молния. Артиллеристы облегченно вздохнули, и один из них сказал: «Ему конец». «Да, этот

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

получил свое», — согласился командир расчета. Но тут они буквально позеленели, так как кто-то крикнул: «Он снова движется!» Действительно, танк снова двинулся вперед, громко лязгая траками. Танк смял тяжелое орудие, словно детскую игрушку, вдавил его в землю и исковеркал, ничего не заметив. С гаубицей было покончено, но расчет, к счастью, успел бежать».

От полного разгрома Манштейна спасло то, что он предусмотрительно перебросил к месту боя 2 батареи 88-мм зенитных орудий 23-го зенитного полка, приданного его корпусу. Они сумели подбить несколько этих супертанков, причем один из них даже проскочил через мост и едва не вышел к позициям батареи, но был остановлен в самый последний момент.

Но русские продолжали наращивать силы и ввели в бой 5-ю танковую и 84-ю механизированную дивизии. В результате 8-я танковая дивизия не выдержала напора и отошла за реку, но теперь Манштейн приказал взорвать мосты, так как не видел никаких перспектив для наступления. К тому же, как мы говорили, немного севернее ситуация принимала все более опасный характер. Генерал Гальдер 7 июля делает в своем дневнике такую запись:

«Ясно лишь, что наш 41-й танковый корпус, с самого начала находившийся в районе Тильзита, разбит танковыми корпусами русских и что танковый корпус Манштейна так и не сумел продвинуться на север, чтобы подрезать основание русского клина, и вынудил русских начать отход. Мы готовим организованное отступление, намереваясь прикрывать его танковыми соединениями».

Но Гальдер слишком оптимистично оценивал ситуацию. К этому времени 41-й механизированный корпус потерял уже около 70 процентов своих танков, положение 56-го корпуса было немногим лучше, недаром ведь Манштейн решительно отказался от всяких попыток проявить активность. Окончательно веру Гёппнера в успех подорвали сообщения авиаразведки — почему-то русские не особенно старались перехватывать эти самолеты. Скорее всего, они, уничтожив ударные силы 1-го Воздушного флота, просто не придавали особого значения действиям самолетов-разведчиков. Удастся перехватить — перехватят, но целеустремленно охотиться за ними никто не собирался. Так вот, разведчики обнаружили выдвижение к линии фронта новых крупных танковых сил русских. Это был недавно сформированный и тайно переброшенный в Прибалтику 28-й механизированный корпус в составе 6-й и 54-й танковых дивизий, 236-й моторизованной дивизии и приданных частей. Еще 860 танков готовились обрушиться на изнемогающие войска Гёппнера. В результате он, нарушая приказы ОКХ, оставил у себя моторизованную дивизию «Тотенкопф» и выдвинул ее на фронт в полосу обороны 41-го механизированного корпуса. Одновременно генерал Рейнхардт перебросил на угрожаемый участок свою 36-ю моторизованную дивизию.

Утро 8 июля началось мощным налетом советской авиации на Тильзит и его окрестности, впрочем, гадать, куда именно будет направлен очередной удар, не было необходимости. Так как истребителей у генерала Келлера не осталось, отдуваться за все пришлось зенитчикам. Они старались как могли и даже

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

сбили несколько самолетов, которые опрометчиво снизились слишком сильно, но все равно поспешно построенные оборонительные позиции заметно пострадали. После этого по немцам открыла ураганный огонь тяжелая артиллерия. Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Собенников стянул сюда почти всю свою артиллерию. После часовой артподготовки в атаку пошли танки 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса.

Немцы встретили их нестройным артиллерийским огнем, так как часть батарей пострадала во время авианалета. Однако и того, что осталось, хватило, чтобы остановить атаку, так как советские танки действовали отдельно от пехоты. Это шло вразрез с немецкими наставлениями и всем опытом предыдущих кампаний. Судя по всему, советские командиры делали ставку на один-единственный фактор — подавляющее превосходство в силах. Но, поскольку эта дивизия имела на вооружении только более старые танки Т-26 и БТ-7, ее атака захлебнулась, а на полу осталось около 60 сгоревших машин. Немцы полагали, что на этом все закончится, никакой командир не позволит своим частям нести такие большие потери, однако они крупно недооценили решимость генерала Собенникова. После полудня начал атаку 28-й мехкорпус. Вспоминает генерал Рейнхардт:

«Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы, и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Немана обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участ-

ках дело принимало серьезный оборот.. Наконец, 7 июля в корпус прибыло третье механизированное соединение — дивизия СС «Тотенкопф», но это не облегчило нашего положения, так как русские подкрепления были гораздо более многочисленными».

И если первую атаку 28-го корпуса немцы еще сумели отбить, то вторая, в которой участвовала и 236-я моторизованная дивизия, принесла русским успех. При этом большую помощь танкистам оказала авиация. Истребители штурмовали позиции немцев, прижимая их к земле пулеметным огнем, что позволило танкам подойти вплотную к наспех вырытым траншеям. 6-я танковая дивизия наступала короткими бросками. Ширина наступления дивизии не превышала 10 километров, что обусловило высокую плотность танков в первой линии, как позднее вспоминал один из участников боя, танки шли так плотно, что почти каждый выпущенный снаряд из немецких противотанковых пушек достигал своей цели. Но, несмотря на это, корпус двигался вперед, и в результате боев 8 июля немецкий 41-й моторизованный корпус был вынужден отойти за Неман. В целом танковой группе Гёппнера удалось зацепиться за реку, однако командующий с ужасом ожидал возобновления атак на следующий день.

Сообщения с других участков фронта были такими же неутешительными. Немецкие войска отходили, оказывая то сопротивление, на которое были способны, но отступали. Однако немецких генералов озадачивал не слишком высокий темп наступления советских частей относительно задействованных сил.

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Если в первый день русские танковые дивизии продвинулись на расстояние 25—35 километров, то далее скорость продвижения упала до 10 километров в сутки и даже менее. Конечно, это объяснялось усилившимся сопротивлением немцев, но имелись и другие причины.

Генерал-оберст Эрих Гёппнер был бы страшно удивлен, если бы узнал, что генерал-лейтенант Собенников ждет завтрашнего дня с не меньшим страхом, чем он сам. Собенников получил приказ командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Кузнецова форсировать Неман, взять Тильзит и наступать на юг к Инстербургу. Кузнецов надеялся взять в клещи немецкую группировку в Восточной Пруссии согласно составленному плану. С севера удар наносила 8-я армия в направлении Тильзит — Инстербург — Гердауэн, а с юга 10-я армия в направлении Алленштейн — Бишуфштейн — Гердауэн. Однако к исходу уже третьего дня наступления выяснилось, что советские войска находятся в таком же скверном состоянии, как и немецкие. Во время наступления части и подразделения перемешались, вдобавок командование фронта, испугавшись собственных успехов, решило отобрать у 12-го мехкорпуса 202-ю моторизованную дивизию для защиты самого себя. После удачного нападения на штаб немецкой 8-й танковой дивизии советским генералам повсюду начали мерещиться вражеские парашютисты. Венцом этой паники стала «высадка» парашютистов прямо на улицы Каунаса.

Вдобавок выяснилось, что спешка, с которой 3-й мехкорпус был передан 8-й армии, имела и свою обо-

ротную сторону, корпус прибыл без своих тыловых частей и сейчас испытывал проблемы со снабжением, прежде всего с боеприпасами, израсходованными в ходе ожесточенного боя. Генерал-майор Куркин сообщил Собенникову, что у него осталось не более четверти боекомплекта, а танки почти полностью израсходовали бензин, поэтому на следующий день он может вести лишь оборонительный бой. Кроме того, марш-бросок нанес гораздо больше потерь, чем атака, например, 5-я танковая дивизия потеряла в бою около 60 танков, но из-за различных поломок на дорогах осталось чуть не вдвое больше. Такая же картина наблюдалась и в 28-м мехкорпусе.

Но выбора у Собенникова не было, срыва наступления ему никто не простил бы. Поэтому ночью он примчался в штаб 12-го мехкорпуса, чтобы лично ознакомиться с обстановкой на месте. Увиденное его совсем не обрадовало, и Собенников попытался сколотить ударную группу, чтобы утром попытаться форсировать Неман. Как ни странно, немцы и здесь не взорвали мосты, похоже, Гёппнер и Рейнхардт никак не могли отказаться от намерений реализовать хоть какие-то пункты плана «Барбаросса».

Чуть раньше Манштейн оценил ситуацию гораздо более трезво, правда, для этого ему потребовалось погубить 8-ю танковую дивизию. Но теперь он ясно понимал, что встречный танковый бой при подавляющем численном превосходстве Красной Армии будет настоящим самоубийством. Немцы все еще сохраняли некоторое качественное превосходство благодаря более совершенным системам связи, однако уступали в качестве вооружения. Довольно быстро выяснилось,

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

что советская 45-мм танковая пушка более чем эффективна против любого немецкого танка, в отличие от короткоствольных 37-мм французских пугачей. Во Франции еще можно было рассчитывать на помощь Люфтваффе, но грозные «Штукагешвадер» бесследно исчезли где-то в необъятных просторах России, а горстка Ju-88, оставшихся в распоряжении генерала Келлера, никак не могла заменить авиацию поля боя. Снова процитируем дневник генерала Гальдера:

«Войска Группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, стоящей перед Либавой) отражали танковые атаки противника, которые предположительно вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. Правое крыло группы армий вынуждено отойти к Неману. На этом участке фронта русские сражаются крайне упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, нам придется совершенно забыть о наступлении, а, напротив, бросить все, что только мы имеем в своем распоряжении, навстречу вклинившимся русским войскам. При этом Верховное командование Люфтваффе, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями своих частей, Геринг потерял голову. Это трудно понять. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает нас возможности эффективно влиять на ход боевых действий».

В результате усилий Собенникова под командованием генерал-майора Шестопалова (командир 12-го мехкорпуса) собралась настоящая татарская орда,

сколоченная из отдельных полков и даже батальонов. Самым главным, как полагал Собенников, было то, что он сумел наскрести 20 танков КВ-1, 7 — КВ-2 и 20 — Т-34, которые должны были сыграть роль тарана, проламывающего немецкую оборону. Вслед за тараном двигались 280 танков, собранных по принципу «каждой твари по паре». Было сложно представить, чтобы такое, с позволения сказать, «соединение» могло чего-нибудь добиться. Последующие события это подтвердили. Единственным светлым местом во всей этой мрачной ситуации была обещанная поддержка авиации. Генерал-майор Ионов твердо пообещал вбомбить Тильзит в Неман.

Свое обещание Ионов постарался выполнить: утренний налет на Тильзит оказался самым сильным из всего, что пришлось до сих пор пережить немцам. Конечно, ударам советских самолетов не доставало точности, которую демонстрировали немецкие пикировщики, однако они брали количеством. Кузнецов сумел договориться с командованием Балтийского флота и получил еще 3 полка бомбардировщиков. Конечно, не дело минно-торпедной авиации бомбить противотанковые батареи, но на них особо никто не рассчитывал, морские летчики должны были создать массовость сцены, основной удар наносила фронтовая авиация.

После короткой артподготовки (на долгую просто не хватало боеприпасов) танки рванулись к мостам. Оказалось, что немецкая оборона не столь прочная, как казалось на первый взгляд, к тому же солдаты были потрясены страшной бомбардировкой, так как нормальных траншей и блиндажей они отрыть про-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

сто не успели. Это позволило части танков проскочить железнодорожный мост, но на выходе с него они были остановлены огнем уцелевших немецких орудий. Генерал Рейнхардт, предвидя такую попытку, приказал разместить 88-мм зенитки среди зданий и садов. Часть из них была уничтожена, но остальные сделали свое дело. Тяжелые снаряды, выпущенные практически в упор, пробивали толстую броню КВ, как картон. После этого следовал взрыв боеприпасов, и башня, кувыркаясь, летела в воздух. В считанные минуты на выходе с моста был уничтожен почти весь танковый таран, уцелевшие машины поспешно отошли назад. Попытку советской пехоты прорваться через мост пресекли пулеметчики дивизии «Тотenkopf». Оглушенные и потрясенные, они все-таки остались на позициях. Но, скорее всего, сыграл свою роль вид десятков сожженных танков.

Беда пришла оттуда, откуда ее не ждали. Рейнхардт не мог организовать одинаково прочную оборону по всей линии фронта своего корпуса, он правильно угадал направление главного удара русских и отразил его, но... Совершенно неожиданно 54-я танковая дивизия, хотя и сильно ослабленная действиями Собенникова, сумела захватить мост у Рагнита и форсировала Неман. И советское, и немецкое командование считало это направление второстепенным а потому не уделяло ему должного внимания. Находившиеся там подразделения немецкой 269-й пехотной дивизии поспешно отступили.

Собенников, узнав об этом, немедленно приказал перебросить туда сводную танковую группу Шестопалова и ударить на Тильзит. Закрепиться на плацдарме

было приказано 236-й моторизованной дивизии 28-го мехкорпуса, что и было сделано. Но, странным образом, этот успех сыграл роковую роль в судьбе 12, 3 и 28-го мехкорпусов. Спешное передвижение в полосу 8-й армии, неподготовленные атаки, новая спешная передислокация привели к тому, что на плацдарм добралось не более 100 танков, чего было совершенно недостаточно для развития успеха.

Генерал Шестопалов лично повел остатки своей группы в атаку на север, однако его встретила спешно развернутая в сторону Рагнита 36-я механизированная дивизия. Генерал Оттенбахер сумел передислоцировать 87-й пехотный полк, подкрепив его двумя артиллерийскими батальонами и 36-м батальоном истребителей танков, однако его пехоте пришлось принимать крайне неудобный и опасный для себя встречный бой с танками. Если бы только русские сумели подкрепить группу Шестопалова пехотой и артиллерией, прорыв вполне мог увенчаться успехом, однако, как мы уже сказали, 236-я моторизованная дивизия в это время занималась оборудованием плацдарма, а советская артиллерия никогда не обладала подвижностью германской, но танки все равно оставались грозной силой. На левом фланге они прорвались к позициям II/36-го артиллерийского батальона и уничтожили одну из батарей, но при этом прямым попаданием 105-мм снаряда был взорван танк генерала Шестопалова. Лишь позднее русские сумели остановить истребители танков.

В результате были разгромлены и отступили обе группировки. Оттенбахер отвел остатки полка к Тильзиту, а уцелевшие русские танки откатились на плац-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

дарм у Рагнита. Генерал Собенников был вынужден доложить в штаб фронта, что его армия окончательно потеряла способность вести наступательные действия, лишившись 2000 танков. Однако он утверждал, что в результате боев полностью разгромил танковую группу генерала Гёппнера и приданный ей танковый корпус СС. Потери немцев он оценивал в 5000 танков.

В результате на северном участке Восточного фронта установилось зыбкое равновесие. Действительно, русская 11-я армия полностью исчерпала свой наступательный потенциал уже к вечеру четвертого дня операции, причем генерал-лейтенант Собенников решил не докладывать о том, что собственно боевые потери составили не более 40 процентов танков, остальные машины стояли по обочинам дорог памятниками качеству производства и квалификации механиков-водителей. Кроме того, несмотря на все усилия, советский тыл оказался совершенно не готов к современной маневренной войне. Колонны снабжения и передвижные ремонтные мастерские не успевали за танковыми частями, и в результате три механизированных корпуса превратились в пехотные. Сейчас даже организация надежной обороны на Рагнитском плацдарме представлялась делом крайне сложным.

Однако положение немцев было ничуть не лучше. Грозные Панцерваффе не сумели доказать своего превосходства над русскими танковыми войсками. Причиной этому было множество взаимно переплетающихся факторов, но главные из них видны сразу. Застигнутые врасплох немцы сразу потеряли один из своих главных козырей — поддержку авиации. Уже к

исходу второго дня войны Люфтваффе были вынуждены переключиться на борьбу за выживание, забыв о взаимодействии с армией. Немецкие танковые дивизии были вынуждены вести встречные танковые бои, потеряв свой второй козырь — отлично налаженное взаимодействие с артиллерией и противотанковыми подразделениями. В итоге Панцерваффе тоже были обескровлены.

Первая неделя войны на Восточном фронте привела к вынужденному затишью, советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 100 километров и остановились. Немцы не имели сил для того, чтобы вытеснить их обратно, и даже были вынуждены отвести войска там, где они имели первоначальный успех, как у 2-й танковой группы. Ее фланги повисли в воздухе, а дальнейшее наступление представлялось совершенно бессмысленным.

Складывалась парадоксальная ситуация — возвращалась пехотная война образца 1914 года с той лишь разницей, что теперь русские имели достаточно сильную авиацию. Не приходится сомневаться, что, если бы в ее составе имелись какие-то аналоги немецких пикировщиков, действия советских войск даже сейчас могли бы иметь успех. Но горизонтальные бомбардировщики не могли наносить достаточно точные удары, и их поддержка пехотных наступлений была неэффективной, и пока пехотные атаки приносили лишь чудовищные потери без намека на успех. Немецкие атаки завершались точно так же, что было неудивительно, ведь немецкая пехота вообще не имела авиационной поддержки. В результате

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

обе армии начали спешно окапываться на северном и центральном участках Восточного фронта. Решить исход борьбы должен был, как ни странно, тыл — кто раньше сумеет восстановить боеспособность потрепанных мобильных войск и авиации.

И все было бы еще терпимо для Германии, если бы не положение на юге. Румынская армия оказалась не в состоянии даже изобразить сопротивление, русские быстро продвигались к нефтяным полям Плоешти. Лишь немецкая 11-я армия кое-как сдерживала их наступление, ведя бои фактически в полной изоляции. Предсказать, что произойдет после того, как Германия лишится румынской нефти, было несложно.

ГИНДЕНБУРГОВ У НАС НЕТ. И НЕ НАДО...

Хорошо жить в Греции, ведь, по словам Антона Павловича Чехова, в этой стране есть абсолютно все, даже гинденбурги, полагаю, имеются в изобилии. Зато, если поверить одному учителю, который по совместительству еще и вождь, в России (тогда еще СССР) в нужный момент не нашлось ни одного Гинденбурга, что объясняет многие поражения Красной Армии. Вот мы и попробуем разобраться, можно ли было летом 1941 года остановить вермахт, которым руководили, в общем-то, тоже не гинденбурги.

Уважаемые авторы многочисленных военных альтернатив, судя по всему, очень хорошо знакомы с ТТХ разнообразной военной техники, но весьма плохо с историей, социологией, политологией и самой обычной фантастической литературой. Слишком часто у них для победоносного завершения Великой Отечественной на головы растерявшихся красноармейцев прямо в июне 1941 года сыплются тысячи Т-64 и МиГ-17, и немецкие агрессоры даже не успевают сдать в плен. То вдруг какого-нибудь Тимошенко такая благодать осеняет, что Суворов с Наполеоном, вместе взятые, ему достойны разве что сапоги чистить. И так далее...

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

А ведь еще лет 40 назад прекрасный писатель Айзек Азимов в великолепном романе «Конец вечности» ввел понятие «минимального необходимого воздействия» — МНВ, — с помощью которого создается развилка истории, постепенно приводящая к необходимому результату. И мы сейчас попытаемся найти ту комбинацию **минимальных** воздействий, с помощью которых Красная Армия сможет остановить вермахт, ведь одну из необходимых составляющих победы — превосходство в вооружении — она все-таки имела. Просто я совершенно уверен: если буквально все детали сложившейся ситуации оставить на своих местах — результат получится тот же самый, точно так же будут размахивать пистолетами и материться комиссары, требуя перехода в наступление, точно так же будут метаться по тыловым дорогам мехкорпуса, теряя сотни танков еще до встречи с противником, точно так же немцы будут двигаться вперед по 100 километров в день, не замечая «сокрушительных контрударов» и «упорного сопротивления». Поэтому мы просто обязаны вносить какие-то изменения, но постараемся, чтобы они оказались минимальными.

Самый первый и самый напрашивающийся ход — получение более или менее точной информации о силах и планах противника. Уже более полувека нас кормят басней о том, что директива «Барбаросса» легла на стол Сталина еще до того, как Гитлер успел ее подписать. Непонятно только, почему тогда наши полководцы ожидали немецких ударов совсем не там, где они были нанесены. А почему даже Генштаб под руководством гениального Жукова оценивал немецкие силы с точностью плюс-минус десять армий? Кста-

ти, если уж говорить точно, то пресловутая директива № 21 «Барбаросса» — она и есть общая военно-политическая директива, и даже знание мельчайших ее деталей никак не поможет отражению агрессии, необходимо иметь в руках оперативные приказы противника. Можно подумать, что и без «Барбароссы» неизвестно, что конечной целью наступления является Москва.

Давайте процитируем отрывок из пресловутой директивы: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено.

Путем быстрого преследования должна быть достигнута линия, с которой русские военно-воздушные силы будут не в состоянии совершать налеты на имперскую территорию Германии.

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга — Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации».

И каким образом знание этого текста может помочь, скажем, командующему Северо-Западным фронтом генерал-полковнику Кузнецову?

Итак, **МНВ-1**. Советский Генеральный штаб сумел более или менее точно оценить силы немцев, сосредоточенные для нападения на СССР. Обнаро-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

дованные в последнее время документы показывают, что советская разведка не имела даже отдаленного представления о **слабости** вермахта и занималась тем, что усиленно пугала саму себя и военное командование страны. Советское командование опиралось на следующие оценки: от 140 до 165 пехотных, от 17 до 20 танковых, от 8 до 15 моторизованных дивизий, причем эти оценки постоянно росли по мере приближения рокового июня 1941 года. В результате количество соединений было завышено в полтора раза, так как в действительности немцы сосредоточили всего лишь 91 пехотную, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий. Ну, там всякие кавалерийские, охранные дивизии, союзники тож. Но в любом случае гитлеровский блок имел не более 160 дивизий **в сумме** против 190 советских. При этом количество немецкой боевой техники было завышено гораздо сильнее, предполагалось, что немцы имеют около 10 000 танков и от 10 000 до 13 000 самолетов. Вот это уже были настоящие волшебные сказки, так как немцы имели всего лишь около 3600 танков и 2500 самолетов. Ах да, еще около 500 самоходных установок и целых 700 танков разномастных союзников Германии. Правда, эти танки больше подходили для стендов кунсткамеры, и в описаниях боевых действий даже советскими генералами ни разу не мелькают ни венгерские, ни румынские машины, но уж считать так считать!

Примерно таким же было и соотношение сил в воздухе. Опять-таки, российские источники никак не могут договориться относительно количества собственных самолетов. С немецкими, как ни странно, проще, потому что состав всех воздушных флотов

давным-давно известен, но в то же время и сложнее, так как многие авторы не желают показывать, насколько слаба была немецкая авиация. Признать, что немцы сумели наскрести для войны на востоке всего лишь 2250 самолетов, как-то неловко. Да и это если считать все самолеты поголовно. У нас любят уточнять: столько советских самолетов (танков, орудий и так далее) были небоеспособны. Так ведь и у немцев наблюдалась та же самая картина, процент неисправных машин, как это ни странно, был примерно одинаковым в обеих армиях. Советский Союз имел на западе около 8300 самолетов, хотя это число легко могло быть увеличено путем переброски авиационных частей и соединений из внутренних районов СССР, ведь наша страна не воевала в Африке и на Средиземном море, не вели жестокие бои над Ла-Маншем с воспрянувшими духом Королевскими ВВС. Но даже имевшиеся силы превосходили немецкие почти в 4 раза.

Вообще-то, точная оценка сил неприятеля — оружие обоюдоострое, потому что командующие фронтами генералы Кузнецов, Павлов и Кирпонос, опираясь на нее, будут с еще большей настойчивостью требовать от подчиненных перехода в наступление, ведь в приграничных округах находилось около 14 000 советских танков. Однако эта же оценка может пресечь всю болтовню о тысячах танков, прорвавшихся в тыл, и придать уверенность командирам и бойцам, так как они будут знать, насколько слаб противник. И все-таки мы предположим, что оценка сил вермахта была сделана с точностью около 10 процентов, ведь в этом нет ничего фантастического?

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Кстати, немцы тоже более чем смутно представляли противостоящие им силы. И дело даже не в том, что они в разы недооценили количество техники, которую имела Красная Армия, или мобилизационный потенциал. Хваленый абвер не сумел вскрыть даже состав приграничных группировок ни по численности, ни по составу. Так что и немцы также находились в потемках, хотя смотрели в прямо противоположную сторону. Советская разведка завышала численность немецких войск, немецкая — занижала численность советских.

МНВ-2 — советское командование сумело хотя бы частично сориентироваться в оперативных планах немцев. Приходится напомнить, что всезнающая советская разведка скормила своему командованию первоклассную дезу, предсказав, что немцы повторят маневр Наполеона и двинутся на Москву «по старой Смоленской дороге». Самое интересное, что такая информация **могла** оказаться правдивой, ведь немецкие генералы действительно собирались проделать нечто подобное. Но Гитлер потребовал ведения операция по всему фронту, поставив первой задачей уничтожение главных сил Красной Армии. И если посмотреть на дислокацию вермахта перед нападением, становится совершенно очевидным, что немцы намеревались прежде всего окружить и уничтожить войска, сосредоточенные на Белостокском выступе, положение 2-й и 3-й танковых групп прямо-таки кричало об этом. Чтобы увидеть это, совсем не требовалось быть Гинденбургом, хватило бы и Людендорфа. Ах да, людендорфов, на нашу беду, в Красной

Армии тоже не оказалось, но ведь мы можем сделать небольшое допущение.

Ну, а следующее **МНВ-3** будет вообще микроскопическим, мы предположим, что в тылу Красной Армии будет наблюдаться некое подобие порядка, не то чтобы уж совсем немецкий орднунг, но и не тот хаос, который воцарился там к полудню 22 июня. В чем это выразится? Да хотя бы в том, что штабы не потеряют управление войсками. Пусть оно будет частично нарушено, пусть оно будет затруднено, но все-таки анекдотичная ситуация, когда командование фронта теряет целые армии, не будет иметь места. Ну и последует нормальная реакция командования при виде успешного развития наступления противника — мосты через Западную Двину и Днепр в случае необходимости будут своевременно взорваны. Заметьте, мы ничего не говорим о мостах через Неман, пусть все идет, как шло в действительности, некоторый элемент растерянности все-таки будет присутствовать, но растерянность — это не хаос. Но в этом случае немцы столкнутся с нешуточными трудностями, потому что к форсированиям таких рек вермахт не был готов. Да что там вермахт, вспомните, какие бои шли вокруг плацдарма на Рейне возле Ремагена в самом конце войны, хотя уж западные союзники никогда не жаловались на нехватку техники.

И еще одно замечание. Немцы совсем неспроста надеялись и старались завершить свой Восточный поход до наступления зимы. Видимо, немецкие генералы интуитивно чувствовали, что затягивание войны окажется смертельным для Германии, что, собственно, и произошло. Именно поэтому я всегда утверждаю,

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

дал и буду утверждать, что после поражения под Москвой у Германии не осталось даже теоретических шансов на победу. Поэтому, если бы Красная Армия, пусть даже потерпев несколько поражений, сумела бы остановить к зиме вермахт на полпути к Москве, война не затянулась бы до 1945 года. Разумеется, все это послезнание, и никто из советских генералов не думал о затягивании кампании до зимы, но если бы намеренно или случайно события пошли по такому сценарию, это было бы крайне выгодно для Советского Союза.

Рано утром 22 июня без объявления войны (оно последовало только два часа спустя) германские войска пересекли границу Советского Союза на всем ее протяжении. Но уже практически с самого начала немцы столкнулись с проблемами, которые нарастали словно снежный ком. Ведь оперативный план немецкого командования сильно напоминает балансирование на свободно висящей проволоке на высоте около 50 метров. Малейшая ошибка — и трюкач летит вниз с совершенно предсказуемым исходом. Ведь недаром этот номер в цирке исполняют считанные единицы. Он справедливо считается на два порядка сложнее, чем попытка пройти по туго натянутой проволоке. Вот и немецкий план столь же трудноисполним. Кстати, обратите внимание — мы сознательно избегаем употребления термина «Weisung Nr. 21: Fall Barbarossa», так как оперативные планы каждая группа армий разрабатывала самостоятельно в его рамках. Во всяком случае, в немецких мемуарах нет ни одного упоминания о том, как именовался

план фон Бока или Рундштедта. Есть подозрение, что они вообще не имели названий, подобных громким операциям «Тайфун» или «Охота на дроф». Разве что совместно наступление немецких и румынских войск на юге получило название «Операция «Мюнхен».

Тем более что все равно у немцев с самого начала дела пошли наперекосяк, об этом постоянно говорит один из главных исполнителей оперативного плана, командующий 3-й танковой группой генерал-оберст Герман Гот. По его словам, с самого начала Восточной кампании из штаба Группы армий «Центр» ему на голову начали сыпаться приказы, противоречившие первоначальным планам. Вот мы и просмотрим ключевые развилки на ухабистом пути немецкого наступления, причем мы не будем касаться всего огромного Восточного фронта, а возьмем выборочно лишь несколько особенно выпуклых моментов.

При этом мы будем разбираться во всем по порядку, точнее, с севера на юг по всему Восточному фронту. Первоначальные действия Группы армий «Север» окажутся такими же, как в реальности. Даже бой под Расейнаем будет точно таким же, включая знаменитый эпизод с танком КВ, который застопорил продвижение боевой группы «Зекедорф». Честно говоря, мне совершенно непонятен энтузиазм, с которым современные историки разоблачают погибших героев. Да, разумеется, Суворов/Резун хватил через край, когда ляпнул, что безымянный сержант генерал-оберста Гёппнера остановил. Нет, сержант **всего-навсего** на сутки притормозил немецкую танковую бригаду. А сейчас займемся простейшей арифметикой. Вермахт имел на Восточном фронте 17 танковых диви-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

зий, то есть 17 боевых групп — импровизированных танковых бригад. По различным расчетам, западные военные округа имели около 470 танков КВ. Если каждый из них задержит немецкую танковую бригаду всего на один день, это означает, что все немецкие танковые группы простоят на месте 27 дней. Весь график наступления провалится в тартарары... Такой подсчет, конечно же, шутка, но наши историки с большей пользой потратили бы время на то, чтобы выяснить фамилии экипажа героического танка, чем на доказательства того, что полковники Зекедорф и Раус, а также генерал-майор Ландграф просто не заметили это неожиданное препятствие.

Мы даже вполне допускаем, что в результате неорганизованных хаотичных контратак 12-й мехкорпус постигнет та же самая судьба, что и в реальности, а именно, он будет разгромлен. Но чем все закончится? Группа армий «Север» дойдет до Западной Двины, найдет там взорванные мосты и... Гадать, что будет дальше, мы не станем, ясно одно — ничего хорошего для немцев.

Далее мы оказываемся в полосе главного удара вермахта — на фронте Группы армий «Центр». Наиболее логичным и естественным решением, совершенно не требующим гинденбурговского гения, являлась попытка остановить 3-ю танковую группу генерала Гота, которая находилась ближе всего к Минску и после начала войны частью сил двигалась прямо на Минск. Причем эту попытку облегчало одно обстоятельство: по качественному составу группа Гота была самой слабой из всех немецких танковых групп. За-

метьте, мы уточняем: именно по качественному, так как по численности имелись более слабые соединения. Но дело в том, что более 50 процентов «танков» Гота составляли грозные чешские машины 38(t). Лишь 13 процентов — а именно 121 машина — составляли танки Т-IV, а остальное приходилось на еще более ужасные Т-I и Т-II.

Вдобавок наше командование исходило из совершенно ложного предположения, что немцы повторят маршрут Наполеона и двинутся на Москву кратчайшим путем. Именно группа Гота находилась на этом маршруте, поэтому сосредоточение основных усилий против нее выглядело вполне логичным и обоснованным.

А последствия остановки танков Гота представить совсем несложно, достаточно взглянуть на карту — в результате рушится весь оперативный план Группы армий «Центр». Задуманные клещи и Минский котел не получаются, прорыв группы Гудериана к Минску с юга лишается всякого смысла. Более того, положение самого Гудериана становится откровенно опасным — его танки оторвались от своей пехоты и оказались в полной изоляции в советском тылу. Перспектива встречи с танками Гота пропала, и я, откровенно признаться, не знаю, что должен делать командующий в такой ситуации.

Действовать советское командование могло двояко — активно и пассивно. Но гораздо лучше было постараться сочетать оба варианта.

Вариант первый — пассивный. Главную роль в создании северного фаса Минского котла сыграл LVII моторизованный корпус группы Гота. Давайте рас-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

смотрим более внимательно его маршрут от границы и до Минска. Он будет следующим: Мяркине — Варена — Вороново — Ошмяны — Молодечно — Радошковичи — Острошицкий Городок. Этот маршрут удивительно хорошо совпадает с современной картой автострад: А-233, Р-20, Р-43 и так далее. «Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи их, а там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосыгаемы», — пишет генерал Блюментрит. Разумеется, в 1941 году это были скорее дороги, а не автострады, но даже в качестве дорог таковые пересекают множество рек и речек. Все-таки наступали танки Гота в лесисто-болотистой Белоруссии, а не в пустыне Сахара. В результате, если ограничиться сугубо пассивными мерами, даже не поднимая вопрос об организации обороны и тем более нанесении контрударов, а просто взрывать мосты, командир корпуса генерал Адольф Кюнтцен столкнется с проблемами, решить которые будет крайне сложно.

Перечислим по порядку. Взрываются мосты через реку Ошмянка под Ошмянами, реку Оксна у Сморгони, реку Цвитень у села Мясота, реку Рыбчана у Радошковичей. Заметьте, мы перечисляем только реки, находящиеся в глубине советской территории, как уже говорилось, предполагается, что мосты, находящиеся в относительной близости к границе, будут немцами захвачены в полной сохранности. Но даже этого хватит, чтобы LVII корпус безнадежно опоздал на встречу с XLVII моторизованным корпусом из группы Гудериана, а стремительный бросок превращается в напряженную и изнурительную работу саперных частей. Разумеется, все упомянутые реки — это совсем не

Северная Двина и тем более не Днепр, а значит, форсировать их можно. Однако обязательно учтите, что пехотинец может перейти по бревнышку через взорванный пролет, а танку это недоступно. Более того, понтонная переправа, по которой проскочит танковая рота, совершенно недостаточна для прохода корпуса со всей артиллерией и тыловым хозяйством. И, как мы уже говорили, немецкая армия просто не располагала понтонными парками в необходимом количестве. Как правило, немецкий корпус имел в своем составе строительный батальон из 3–5 мостостроительных колонн (рот), а механизированный корпус мог иметь еще дорожный батальон. Этого вполне достаточно для приведения в порядок тыловых коммуникаций, но не хватит для наведения переправы под огнем противника.

Обычно историки гораздо больше любят рассказывать о действиях группы Гудериана, благо этот самый известный из панцер-генералов оставил очень подробные и утомительно скучные мемуары. Мы из принципа не будем говорить о действиях 2-й танковой группы, ограничимся лишь замечанием, что если бы был взорван мост через Неман у Столбцов (а Гудериану до Немана было гораздо дальше, чем войскам на северном крыле Восточного фронта), то и южная половина Минского котла сразу переходит в сослагательное наклонение.

Чтобы принять такие меры, совсем не обязательно быть Гинденбургом, вполне хватит командира N-ского пехотного полка. Если же взорвать мост через Днепр у Кременчуга и таким образом лишить немецкую 1-ю танковую группу плацдарма на левом берегу, то Ки-

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

евский котел не состоится в принципе. Да, крупные мосты — сооружения очень прочные, недаром те же англичане для их разрушения использовали свои знаменитые 5-тонные бомбы «Толлбой», но ведь перед советским командиром не стоит задача сровнять мост с землей. Достаточно максимально затруднить восстановление моста — и все немецкие планы разлетятся в пыль. Кстати, мы не беремся утверждать, что в этом случае Юго-Западному фронту генерала Кирпоноса пришлось бы легче, но то, что весь ход боев на южном крыле Восточного фронта пошел бы по иному сценарию, — это несомненно.

Теперь переходим ко второму варианту — активным действиям против войск генерала Гота. Самой известной попыткой является так называемый «контрудар» конно-механизированной группы генерала Болдина. Столь пренебрежительное название дано ему за ничтожные результаты, достигнутые столь крупными силами. Собственно, Болдин в реальности провалил операцию, еще не начав ее, так как не сумел сколотить ударный кулак. И опять же, для решения задачи нам не требуется Гинденбург, да и вообще полководец не требуется. Нужен аккуратный, въедливый, терпеливый, жесткий начальник штаба — и не более того.

Начнем с того, что целью Болдина стал XX корпус 9-й армии, а не танковые соединения генерала Гота, под удар попала его 256-я пехотная дивизия. Между прочим, 256-я дивизия принадлежала к дивизиям четвертой волны и была сформирована только в сентябре 1939 года. В Польской кампании она не участвовала, находясь в резерве. В июле 1940 года дивизия была